
Евгений ПОПОВ

* * *

Так в огне лежит коряга,
Создает уют.
А вокруг огня бродяги
Тихо водку пьют.

Пошевеливают угли,
Говорят слова.
Свет колеблющийся, смуглый.
Ломкая листва.

* * *

Устронье, Усторонье...
Солнце перышко уронит.
Жемчуг-озеро скользит.
В озере печаль сквозит.

Парусник-туман восходит.
Девушка по травам бродит.
Песней душу бередит.
Время ручейком дрожит.

Здесь не спрашивают, кто ты,
Потому что здесь ты сотый.
Лишний, что ли? — Не скажи.
Потому что у межи

Смотришь, мучаешься прошлым,
Удивленно к соснам рослым
Обращаешься. А там,
Где был дом оплотом мощным,
Преклоняешься цветам.

Волны — длинные дороги,
Этот путь к реке пологий,
Светоносный и прямой...
Пыль с себя водицей смой.

Евгений Александрович Попов — поэт, прозаик, драматург, окончил Литературный институт, автор сборников стихотворений «Птицы в городе» (1989), «Высокое небо» (2009), «Западно-восточный ветер» (2013), «Памятник тяжелой волне» (2014). Стихи публиковались в антологиях, журналах «Нева», «Аврора», альманахе «Поэзия» и др. Живет в Санкт-Петербурге.

Предки близко. Где-то рядом.
Обведи прощальным взглядом
Эту пойму, этот луг.
Пусть сюда вернется плуг,

Детских голосков сиянье...
Пусть слагается преданье.
Миг — и вспенится волна,
Возвращая имена.

* * *

Когда женщины собираются в кучки
И начинают бунтовать,
Мужчины мечтают о получке,
Чтобы к женщинам не приставать.

Соберутся где-нибудь, посмеются,
С закуской из примитивных слов,
Где-нибудь на пеньке или в тесной каюте
Непонятно с чего закричит
И даже заплачет инженер Лева или слесарь Орлов.

У них еще будет время, они еще лягут
На какой-нибудь вражеский дот,
А тут с удовольствием
Рассказывают грубый анекдот.

Просидят дотемна, а то еще и помахаются.
Потом начнут вспоминать.
Пока один из них не скажет:
— Завтра рано вставать.

КОРОСТЕЛЬ

Дмитрию Толстобе

Кабаны пропахали луг,
Без опаски и не шагнуть.
— Поклонись — и отыщешь путь, —
Голосисто встречает друг.

Отовсюду: «Мы здесь! И мы!»
Разбежались опять глаза,
Отворились после зимы,
И запала в них бирюза.

У него дребезжит внутри.
Отворяет он красный рот.
Он старается, он горит,
У него так душа поет.

По тропинке в дремучий лес
Мне трава пройти не дает,
Поклонился, кусты пролез.
Коростель позади поет.

Все настроено. Все растет.
Но упала прямая ель,
И в большущей осине прель,
Это дерево смерти ждет.

Посижу на зеленом пне,
Остужу на бруснике взгляд.
Сам себе скажу, как во сне:
«Что-то ты загостился, брат!»

Страстно так коростель скрипит,
Словно ленточка каждый скрип.
Кучевых одеял скит,
Над болотом туман-грипп.

И вернусь в крутолобый град,
Но тебя не найду уже
И пойду в шелестящий сад,
Постою на твоём вираже.

На пригорке, проткнув высь,
В небо встряла другая ель.
Закричу я туману: «Брысь!»
Посажу я туман на мель.

Говорят, он закончил путь.
Место есть, есть участок, ряд.
Но выходит, не в этом суть,
Ведь слова твои говорят.

* * *

Отчаянье приходит как спасение
В дрожании июльского дыхания,
И облаков застывшее борение —
Итог происходящего братания.

В замедленном движении над птицами,
Над городом, раскрывшимся трапецией,
Над бледно-сумасшедшими арийцами
Мы проплываем файлом Древней Греции.

И уходя, как в космос, в расширение,
Распахиваем руки картой Родины,
Легко объединяя поколения
Указкой солнца, запахом смородины...

И в этом произволе жизни ветреной,
В смешенье света, лета и усталости
Нам слышен вздох, глубокий и приветливый,
Наполненный любовью, грустью, жалостью.

* * *

Набивает цену время,
Наливает силой семя.
Нет презренья и упрека
От грядущих поколений.

Кто напротив, тот не с нами.
Кто в тылу — ударить может.
Тот, кто выше держит знамя —
Убедительней итожит.